

АННА БАРТОН

Дерзкая
и желанная

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б26

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Anne Barton
SCANDALOUS SUMMER NIGHTS

Перевод с английского М.А. Комцян
Компьютерный дизайн В.А. Воронина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бартон, Анна.

Б26 Дерзкая и желанная : роман / Анна Бартон;
[пер. с англ. М. А. Комцян]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086278-8

Красавица Оливия Шербурн в отчаянии. Она всего-то и хотела, что искренне признаться в своих чувствах Джеймсу Эвериллу, другу старшего брата, — а что остается, если обаятельный археолог упорно не замечает ее любви?

И вот итог: их застали в компрометирующей ситуации, Джеймс обязан жениться на «обесчещенной» девушке, хочет того или нет, а дело всей его жизни — экспедиция в Египет — под угрозой. Оливии остается лишь одно — пожертвовать своей репутацией ради спасения возлюбленного. Но примет ли Джеймс, в чьем сердце тоже проснулась любовь, подобную жертву? Или предпочтет забыть о карьере, но обрести счастье?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086278-8

© Anne Barton, 2014
© Перевод. М.А. Комцян, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Глава 1

Аутентичный: подлинный, достоверный (аутентичный текст).

Лондон, 1817 год

Любая леди, имеющая хоть немного здравого смысла, уже давно отказалась бы от Джеймса Эверилла. Беда же Оливии Шербурн заключалась не столько в нехватке здравого смысла, сколько в избытке упрямства. Она вздыхала по Джеймсу целых десять лет. И неважно, что он едва ли чем-то поощрял ее: терпение Оливии рождалось из любви, которая была глубокой, неистребимой и настоящей.

К тому же ей однажды довелось увидеть его голый торс.

Это было потрясающее зрелище. Воспоминания о нем поддерживали Оливию бóльшую часть последних десяти лет.

Даже сейчас, тайком наблюдая за ним в ярко освещенном зале леди Истон, Оливия представляла, что скрывается под его превосходно скроенным фраком: теплая, позолоченная солнцем кожа, крепкие мускулы и рельефный живот, достойный самого Аполлона.

В эту минуту, заметив его беседующим с ее братом Оуэном, герцогом Хантфордом, Оливия поневоле подумала о том, как ей хотелось бы скользнуть ладонями под отвороты фрака Джеймса и провести вверх по груди, стащить фрак с широких плеч и запустить пальцы в короткие каштановые кудри.

Вообще-то Оливия была больше склонна действовать, чем фантазировать. Она открыто, даже слишком открыто, как сказал бы ее брат, выражала свое мнение и поступала так, как считала правильным, несмотря на то, что светское общество этого не одобряло. Оливия упорно добивалась всего, чего хотела: образования, которое выходило за рамки музыки и французского, некоего подобия власти над своим будущим и значимой, пусть и нетрадиционной, дружбы.

Но только не в отношении Джеймса.

Она любила друга детства своего брата уже так давно, что некоторые, возможно, сочли бы ее жалкой, но в последнее время появились признаки, что он стал ее замечать: рассеянные взгляды, озадаченно сдвинутые брови. Ну да, признаки не самые обнадеживающие, но кто знает? Быть может, сегодня он наконец пригласит ее на вальс. Может же леди помечтать.

Оливия готова ждать, когда Джеймс ответит ей взаимностью. В сущности, ей достаточно было находиться в этом зале и весь вечер хотя бы мельком видеть его. Она легко находила его взглядом в толпе. При виде атлетически сложенной фигуры и непринужденной улыбки сердце Оливии таяло как масло на солнце.

Рядом кто-то деликатно кашлянул, и с трудом оторвав взгляд от Джеймса, она посмотрела на классически красивое лицо подошедшего мужчины.

— Прошу прощения, лорд Диксон. Боюсь, я замечталась. — Щеки ее порозовели.

— Это мне следует извиниться за то, что напугал вас. — Молодой маркиз ободряюще улыбнулся и добавил: — И должен признаться, я нахожу вашу спо-

способность мечтать среди шумного бала впечатляющей. И, безусловно, очаровательной.

— Вы так добры.

Лорд Диксон именно такой джентльмен, за какого Оуэн хотел бы выдать ее замуж: уважаемый, титулованный, богатый и в высшей степени добропорядочный. Сама Оливия находила в нем только один недостаток: он не Джеймс.

Маркиз разгладил ладонью невидимые складочки на жилете и еще раз прокашлялся.

— Леди Оливия, не желаете ли...

— А-а, вот ты где! — Роуз, младшая сестра Оливии, буквально бросилась к ним, запыхавшаяся и необычайно взволнованная, и изобразила легкий книксен. — Добрый вечер, лорд Диксон. Надеюсь, не помешала.

— Нисколько. Мы как раз собирались...

— Могу ли я поговорить с тобой, Оливия? — Роуз бросила извиняющийся взгляд на маркиза. — Наедине.

Роуз выглядела обеспокоенной. По спине Оливии пробежал холодок. Сестра никогда даже не помыслила бы так невежливо повести себя, если бы дело не было действительно срочным.

— Конечно. — Лорд Диксон любезно поклонился. — Не смею вас задерживать. Мы можем возобновить наш разговор позже, если пожелаете.

— С нетерпением буду ждать, — сказала Оливия. — Спасибо вам за понимание.

— Да, спасибо вам, — поддакнула Роуз, а сама при этом уже тащила Оливию за руку, в уединенное местечко между двумя пальмами в горшках.

— Ты меня пугаешь, Роуз. Что случилось?

— Я только что узнала новость и решила поставить тебя в известность, прежде чем ты услышишь ее от кого-то еще. Боюсь, ты найдешь ее... огорчительной.

У Оливии онемели пальцы.

— Кто-то заболел? Мать Аннабелл? Или ребенок?
— Нет-нет. С ними все хорошо. Ничего подобного.
— Тогда что?

Роуз с сочувствием взглянула на сестру.

— Это касается мистера Эверилла.

— Джеймса? — У Оливии подкосились ноги, и она ухватилась за край кадки. — Он... — Боже милостивый, она с трудом заставила себя произнести это слово. — Помолвлен?

Роуз энергично замотала головой.

— Нет.

Оливия с облегчением вздохнула.

— Это хорошо. — Если Джеймс не помолвлен и не мертв, значит, новость не так ужасна.

— Он сегодня сообщил всем, что намерен отбыть в Египет.

Бальный зал словно покачнулся.

— В Египет?

— Да, где будет принимать участие в археологических раскопках — целых два года.

Оливия удивленно заморгала.

— Ты сказала — два года?

— Боюсь, что так.

— Когда? То есть, когда он уезжает?

— В конце лета. Мне очень жаль, Оливия.

— Ничего, — солгала та. — Я знала о его любви ко всяким древностям, разумеется, просто никогда не представляла... — «Будущее без Джеймса».

— Хочешь покинуть бал? Я могу сказать Оуэну, что у тебя разболелась голова, и мы вернемся домой.

— Нет. Незачем портить тебе вечер.

— Но я вовсе не против!

— Знаю. — Оливия заправила несколько выбившихся локонов за уши, пытаясь успокоиться. — В конце лета... Значит, остается всего два месяца?

— Да. — На лице Роуз отражалась та же растерянность, что воцарилась в душе Оливии.

— Значит, у меня осталось всего два месяца...

— Для чего?

— Чтобы заставить его полюбить меня. — Конечно, ей придется постараться, чтобы он обратил на нее внимание. И перестал обращаться с ней как с предметом мебели, который обходят, чтобы не ушибить ногу.

Роуз сочувственно наморщила лоб.

— Не уверена, что можно заставить кого-то полюбить. — Сестра, как всегда, рассуждала разумно, но ведь не всегда и не все можно решить логически и по-умному.

— Ты права, но я должна попытаться.

— Как?

— Если б знать...

Она уже пробовала вызывающие платья, якобы ушибленную ножку и трогательные стихи.

— Никакими тонкими намеками и уловками мне не удалось привлечь его внимание.

— Ты должна помнить, — сочувственно вздохнула Роуз, — что мистер Эверилл — близкий друг Оуэна. А наш брат бывает таким суровым.

Оливия была признательна Роуз за предположение, что их брат может быть причиной отсутствия явного интереса Джеймса к ней, но знала, что дело совсем не в этом.

— Джеймс не боится Оуэна — он никого не боится. — Джеймс Эверилл, несмотря на то что выглядел истинным джентльменом, считался одним из лучших боксеров во всем Лондоне.

— Правильно. Но мистер Эверилл — благородный джентльмен и потому с уважением относится к желаниям Оуэна в отношении тебя. Боксерский матч — это одно дело, а сестры — совсем другое.

— Я не позволю Оуэну распоряжаться моей жизнью! И, учитывая сегодняшнюю новость, думаю, мне придется прибегнуть к радикальным мерам.

Роуз побледнела.

— Импульсивная натура — это то, что я, помимо прочего, очень в тебе люблю...

— Но?..

— Ты должна хорошенько подумать, что скажешь сегодня мистеру Эвериллу. Твои действия могут иметь серьезные и далекоидущие последствия — для вас обоих.

— Знаю. — Оливия сглотнула, поневоле признавая правоту сестры. — Пожелаешь мне удачи?

Роуз обняла ее.

— Конечно. Просто... будь осторожна. Не хочу, чтобы ты страдала.

Оливия слабо улыбнулась:

— Я тоже не хочу.

Но она отдавала себе отчет, что страданий, очень даже возможно, не избежать.

Родным и друзьям ее безответная любовь, должно быть, кажется смешной и глупой. Да она и сама сомневается в своем здравомыслии. Но это не мимолетное увлечение. Она чувствует какую-то связь с Джеймсом, понимает его. Ее завораживает движение его губ, когда он глубоко над чем-то задумывается — словно сам с собой обсуждает какую-то сложную задачу, — ей нравится, как загораются его глаза, когда он рассказывает о последних приобретениях Британского музея. Она обожает даже его склонность отвлекаться на какое-нибудь редкое растение, когда ей не терпится похвастаться красивыми новыми туфельками.

Однако же она никогда не пыталась заманить Джеймса в брачную ловушку. Она не хочет обманом вынуждать его жениться на ней.

Чего она хочет, о чем мечтает каждую ночь в течение этих десяти лет — получить его любовь и нежность. Ей хочется просыпаться с ним рядом и вести тихие семейные беседы за завтраком. Хочется полдня кататься с ним верхом, а потом отыскать какое-нибудь тенистое

уединенное местечко, где можно было бы подкрепиться жареной курицей, хрустящим хлебом и клубникой. Хочется, чтобы он сорвал полевой цветок, сунул ей за ухо и посмотрел на нее так, словно не верит своему счастью, что нашел ее...

Конечно, на самом деле это она нашла Джеймса. Но Оливия слишком сильно любит его, чтобы придирается к таким мелочам.

Вот потому-то мысль о том, чтобы признаться в своих чувствах к нему, так пугала ее.

После сегодняшнего вечера она уже не сможет обманывать себя банальностями вроде «он даже не догадывается о твоих чувствах» или «он, должно быть, думает, что его внимание тебе совсем не нужно».

Она вынуждена посмотреть в лицо реальности, пусть и пугающей: он может не ответить на ее чувства.

Холодок пробежал по телу, но она приказала себе быть мужественной. Не может быть, чтобы она напрасно десять лет мечтала и два с половиной сезона ждала.

Сегодня начнется их сказочная любовная история.

Оливия просто отказывалась рассматривать какую-то иную возможность.

Джеймсу Эвериллу было простительно, что он явился на бал Истонов слегка навеселе.

У него праздник, черт побери!

Через пару месяцев он будет на корабле, направляющемся к земле археологических чудес.

Потребовалось целых десять лет усилий, но он наконец осуществил свою мечту: скопил достаточно денег, чтобы мать с братом ни в чем не нуждались, нашел партнера, чтобы клиенты не оказались брошенными.

Через каких-то восемь недель он покинет свой кабинет, заваленный кипами скучнейших контрактов и наводящих сон сводов законов, ради приключения всей своей жизни.

За это стоило еще выпить.

Он окинул взглядом уже заполненный гостями шумный зал. Хантфорд и Фоксборн возвышались над большинством гостей, так что их легко было отыскать в толпе.

Джеймс улыбнулся и вежливо кивнул какому-то виконту и нескольким дамам, пробираясь к друзьям. Благодаря превосходно пошитому платью и отточенным манерам он довольно хорошо вливался в этот привилегированный мир. Подобно некоторым разновидностям ящериц в пустыне он умел сливаться с ландшафтом, однако бывали моменты, вот как сейчас, когда остро сознавал, что бальные залы — не его естественная среда обитания.

Он солиситор¹, и этим зарабатывает на жизнь. Хантфорд и Фоксборн ничего не имеют против этого, но, с другой стороны, оба знают, что в деловых вопросах он даст им сто очков вперед.

— Добрый вечер, джентльмены.

Джеймс должен был признать, что женитьба пошла на пользу и герцогу, и графу. У Хантфорда по-прежнему был хмурый вид, но Джеймс подозревал, что это лишь привычная маска. Фоксборн же, напротив, теперь постоянно улыбался.

— Эверилл! — Хантфорд приветственно хлопнул его по спине.

Фоксборн сделал знак проходящему мимо официанту, и Джеймс понял, что желанная выпивка уже на подходе.

Герцог подался к нему своим крупным телом и понизил голос:

— Есть один вопрос, который мне надо с тобой обсудить.

¹ Поверенный, подготавливающий дела для барристеров и выступающий только в судах низшей инстанции. — Здесь и далее примеч. пер.

— Деловой? — Джеймс надеялся, что вопрос не слишком сложный, поскольку не очень хорошо сообщал.

Хантфорд нахмурился.

— В некотором роде. Мы можем встретиться завтра у тебя в конторе?

Джеймс вскинул бровь.

— Конечно.

— Прекрасно. Стало быть, тогда все и решим. — Герцог ущипнул себя за переносицу, потом потрянул головой, словно избавляясь от каких-то назойливых мыслей.

Фоксборн лениво постучал тростью по паркету.

— Я так понимаю, тебя можно поздравить, Эверилл.

— Да. Большая часть моих дел в порядке. Я уезжаю в экспедицию в конце лета.

— Египет... — Фоксборн как будто задумался, сделал большой глоток из бокала. — Ты отказываешься от всего этого, — он широко повел тростью, указывая на сверкающий бальный зал, — чтобы ездить на верблюдах?

— И распеленывать мумии, — добавил Хантфорд.

— И спать в палатке. — Фоксборн теперь откровенно потешался. — Смотри не набери песку в подштанники!

От подобной перспективы всех троих передернуло.

— Все неудобства с лихвой окупятся, — уверенно произнес Джеймс, — если я откопаю хотя бы один древний артефакт — ключ к цивилизациям, которые жили до нас.

— И что же это? — спросил Хантфорд с изрядной долей скептицизма. — Осколок разбитой чашки? Что-нибудь, что могло быть наконечником стрелы, но скорее всего просто старый камень?

— Ну, да. — Разумеется, он надеялся обнаружить что-нибудь с рисунком или надписью — какую-то уникальную вещь, доселе невиданную, — но распинаться перед этими невеждами не собирался: зачем зря воздух сотрясать.

— Даже если я найду лишь осколок старой чашки или камни, то буду считать, что поездка удалась.

Хантфорд и Фоксборн воззрились на него так, словно ему самое место в Бедламе.

Джеймс уже собирался послать их обоих к черту, когда подоспел официант с выпивкой. Сделав изрядный глоток, он обнаружил, что настроение почти сразу же улучшилось.

Когда над бальным залом поплыли звуки вальса, герцог и граф вытянули шеи в поисках жен. Сестры герцогиня и графиня хоть внешне совершенно не походили друг на друга, но обе были красивы.

— Идите-ка вы к своим благоверным, — посоветовал Джеймс, — а то с полдюжины щеголей так и вьются вокруг них в надежде пригласить на танец.

Хантфорд зарычал:

— Аннабелл и Дафна вполне способны пресечь беспардонные домогательства! Верно, Фоксборн?

Граф фыркнул.

— Мне жаль тех несчастных остолопов.

У Джеймса не было причин не верить словам друзей, и тем не менее от него не ускользнуло, что оба поспешили через зал к своим женам.

Он про себя улыбнулся и огляделся в поисках какого-нибудь укромного местечка, где можно было бы спокойно допить свой виски и приглядеть парочку милостивых барышень, чтобы позже, возможно, пригласить на танец.

Идея ему понравилась, и вечер обещал быть приятным... до тех пор, пока его не перехватила Оливия Шербурн.

«Перехватила» еще слишком мягко сказано: скорее подстерегла и изловила.

У нее вообще пугающая привычка сваливаться как снег на голову. Только что он стоял себе спокойно и обозревал гостей, выбирая танцевальных партнерш,

как вдруг откуда ни возьмись налетел этот большеглазый ураган в прелестном голубом платье и воскликнул:

— Вот ты где! Сейчас же идем со мной.

Ни тебе приветствия, ни любезностей.

Он явно предпочел бы мирно потягивать виски, но Оливия уже направлялась к застекленным дверям в дальней половине зала, полагая, что он потрусит за ней следом как дрессированная собачка. Что ж, она сестра Хантфорда, в конце концов, так что он не может не пойти за ней.

Ад и все дьяволы...

Она на мгновение исчезла за спинами трех матрон, прежде чем выскользнуть в двери. Джеймс последовал за ней, хотя и был решительно настроен как можно скорее вернуть ее в бальный зал.

Он шагнул на террасу, мягко освещенную несколькими фонарями и луной на безоблачном небе.

— Я здесь, — окликнула его Оливия громким шепотом.

Она стояла в углу патио, и ее белые перчатки указывали ему путь как маяк на скалистом берегу. Чутье говорило, что не следует идти у нее на поводу, оно практически кричало, и он не двинулся с места.

Однако Оливия, почувствовав его колебания, сама подбежала к нему и бесцеремонно потащила его за руку.

— У нас мало времени.

Спасибо, хоть виски не расплескала.

— Куда мы? — спросил Джеймс.

— Сюда. — Она остановилась перед каменной скамейкой.

— Зачем?

Оливия села и едва ли не силком принудила Джеймса опуститься рядом. Выражение ее лица невозможно было прочесть, но грудь вздымалась и опадала, как будто девушка чего-то испугалась или запыхалась. Белые зубки покусывали нижнюю губу. Теперь, добив-

шись своего и притащив его сюда, она, казалось, не могла найти слов.

Такого с Оливией не случалось никогда.

— У тебя какие-то неприятности?

— Нет, — быстро отозвалась она. — Ну, насколько мне известно...

Джеймс усмехнулся.

— Уже хорошо, потому что даже малышкой ты вечно попадала в какие-нибудь передряги. Помнишь, ты умудрилась забраться в стойло с жеребятами и не могла...

— Перестань! — резко оборвала его Оливия.

— Что перестать? — Он просто пытался создать непринужденную атмосферу, чтобы она наконец сказала, ради чего все затеяла, но она, похоже, его порыв не оценила.

— Перестань обращаться со мной как с маленькой сестричкой Оуэна.

Так, приехали...

Джеймс залпом осушил свой бокал и, поставив его на скамейку, медленно проговорил:

— Если не хочешь, чтобы с тобой обращались как с ребенком, то и не веди себя как ребенок. Давай рассказывай, зачем притащила меня сюда.

Оливия облизнула губы. Не помогло. Во рту пересохло словно в пустыне.

— Мне надо было поговорить с тобой наедине.

Золотисто-зеленые глаза Джеймса вызывающе вспыхнули.

— Я слушаю.

Сердце ее бешено колотилось. Все пошло совсем не так, как она представляла. Предполагалось, что Джеймс услышит в ее голосе дрожь, возьмет ее руки в свои и станет их нежно поглаживать. К этому моменту он уже должен был смотреть на нее со здоровой дозой мужской заинтересованности ее смелым декольте.

Но его сильные руки были скрещены на груди, а губы сжаты в тонкую линию. Он сидел с видом человека, который попросил чаю час назад и до сих пор ждет, испытывая не столько жажду, сколько... раздражение.

В панике она решила было сочинить некий незначительный предлог: например, она хочет купить малышу Оуэна и Аннабелл подарок и подумывает о щенке. Наверняка Джеймс сможет дать ей совет...

— Оливия. — Нетерпение придало его голосу резкости, однако в нем звучало и сочувствие, и это подтолкнуло ее к действиям.

Войти в эту реку медленно и постепенно не получится. Единственный способ — прыгнуть с берега, даже если существует риск уйти в воду с головой.

Она натужно сглотнула и, посмотрев ему в глаза, выпалила:

— Я люблю тебя.

Джеймс моргнул, лицо его выражало смятение, будто его разбудили среди ночи, он совершенно сбит с толку и ничего не может понять.

— Что ты имеешь в виду?

Оливия сделала глубокий вдох.

— Это случилось летом тысяча восемьсот седьмого года, когда ты приехал в гости к моему брату в Хантфорд-Мэнор. Оуэн предпочитал проводить летние каникулы с друзьями, но папа настоял, чтобы он был с нами хотя бы неделю, и он всегда привозил тебя. Мне в то лето исполнилось одиннадцать, и один раз я захотела пойти с вами на рыбалку, но Оуэн сказал, что нельзя, потому что я только распугаю всю рыбу и буду раздражать его. Я отказывалась уходить...

— Ну еще бы, — пробормотал Джеймс.

— Ты помнишь тот день?

— Нет. Пожалуйста, продолжай. — Он взял пустой бокал и с тоской посмотрел в него.